

Автограф Барклая-де-Толли

Хранится в госархиве Владимирской области одна небольшая коллекция дел, которой исследователи интересуются очень редко. А в ней имеется дело с таким названием: «Отношение генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли об определении на гражданскую службу советника 8 класса Омельяненко». Датирован 1814 – 1815 гг. Содержит 33 листа. В этом деле находятся три автографа Барклая-де-Толли. Известно, что писал он в основном по-французски. Эти же письма написаны по-русски рукою его секретаря, а подписаны самим фельдмаршалом так: «Гр. Барклайдетолли». «Гр.» – значит граф. Письма, подшитые в архивном деле, позволяют судить о Барклае-де-Толли как о добром и заботливом человеке, по крайней мере по отношению к своим подчиненным. Об этой черте характера его мы пока мало знаем. Известно больше о другом – о его сухости и строгости, о нелюбви к нему солдат русской армии.

«Несмотря на все свои выдающиеся достоинства, несмотря на свою почетную боевую репутацию, Барклай, однако, не пользовался популярностью в армии. Его холодная внешность не была способна создать ему приверженцев среди подчиненных. Скромный и молчаливый, он не умел сказать вовремя ласкового, приветливого слова, которое так ценится солдатами», – писалось в одной книге о нем, изданной еще до революции. О неприязни, которую он вызывал у многих, генерал знал и тяжело переживал это обстоятельство. Получилось так, что в памяти народной имя Барклая-де-Толли тесно связано с событиями самыми тяжелыми – отступлением русской армии перед полчищами Наполеона, а затем и с оставлением неприятелю Москвы.

Как известно, когда началась Отечественная война, Барклай-де-Толли являлся военным министром и командовал 1-й Западной армией. Вынужденная линия на отступление русских войск под давлением сил врага была крайне непопулярна и вызывала протесты в армии и обществе. 15 августа Барклаю пришлось сдать главнокомандование М.И. Кутузову. Под Бородином, командуя правым крылом армии, он проявил высокое воинское умение и личное мужество, чем во многом вернул доверие к себе офицеров и солдат.

На военном совете в Филях Барклай-де-Толли первым доложил М.И. Кутузову свои соображения о невозможности сражения под Москвой. Было принято решение об оставлении древней столицы России. Оно было верным, но исполнялось с чувством вины и скорби, и не всеми было сразу понято.

Барклай-де-Толли тяжело заболел после битвы под Бородином и 22 сентября покинул армию, уехал лечиться в Калугу. Но пробыл там недолго. Отправился во Владимир. Это было очень тяжелое и скорбное путешествие. Ему пришлось выслушать от современников много горьких слов. Его обвиняли в нерешительности, даже измене и предательстве. Бывало, что в его карету бросали камнями. Он же был уверен в своей правоте. Об этих мучительных для него днях Барклай писал императору Александру 27 января 1813 года уже из Полоцка: *«Убитый горем, я тяжело заболел во Владимире... Я твердо решился лучше впасть в бедность, от которой я не избавился во время моей службы, нежели продолжать службу, в которой за все оказанные мною услуги, за все мое усердие... я получил в удел скорбь. Я надеюсь, однако, что беспристрастное потомство произнесет суд с большей справедливостью».*

Но службу военного Барклай-де-Толли не оставил. В феврале 1813 года он был назначен командующим Третьей армией, а затем русско-прусской армией, которой успешно командовал во время заграничных походов 1813 – 1814 гг.

Вот к этому периоду и относятся его письма, обнаруженные в областном архиве.

В мае 1814 года Барклай обратился к императору Александру со специальной докладной запиской. В ней он просил за служащего в своем штате чиновника 8 класса Омельяненко, который *«от беспрестанных походов... от трудной кампании 1812 года расстроился совершенно в здоровье так, что ныне не в силах исправлять походной службы при всем его ревностном к тому желании».* *«Я отпустил его к здешним минеральным водам, – говорится в записке, – но, зная лично, что воды не восстановят прежнего его здоровья, осмелюсь просить Ваше Императорское Величество повелеть определить его советником по статской службе».*

Император удовлетворил эту просьбу, произведя Омельяненко 7 мая 1814 года в надворные советники. Теперь следовало определить его на службу. И 15 сентября 1814 года Барклай-де-Толли написал письмо министру юстиции тайному советнику Д.П. Трощинскому. В письме, которое сохранилось, он просил министра определить Омельяненко на службу *«в Малороссийские,*

Украинские или внутренние губернии», добавляя при этом, что Омеляненко «благородного поведения и большое имеет усердие к службе, и я если его отпускаю от себя, не по чему другому как по удручающим его ныне болезненным припадкам». Министр юстиции сделал запросы в губернии нет ли где свободной должности советника. 3 октября 1814 года владимирский губернский прокурор Горяинов сообщил министру, что во Владимире в здешней палате гражданского суда, имеется вакансия советника. Министр юстиции 20 октября написал в свою очередь об этом Барклаю-де-Толли. Тот ответил, что Омеляненко согласен принять предлагаемое место (под этим письмом – еще один автограф Барклая-де-Толли).

Но Омеляненко хворал, и генерал-фельдмаршал отправил его лечиться за границу, а Трощинского просил сохранить место во Владимире за Омеляненко. Под этим письмом также собственноручная подпись Барклая. В апреле 1815 года Трощинский сообщил фельдмаршалу, что место за Омеляненко он может сохранить только на четыре месяца.

Поскольку Омеляненко должен был явиться на службу во Владимир, то всю переписку о нем сюда и переслали. Здесь ее подшили в отдельное дело, которое дошло до наших дней. В нем нет сведений о том приехал ли Омеляненко на службу во Владимир. Не нашлось ничего об этой переписке и в других делах фондов Владимирской палаты гражданского суда, губернского правления, канцелярии губернатора за 1815—1816 годы. Видимо, он так и не приехал в наш город. А через три года после описанных здесь событий, в 1818 году Барклай-де-Толли умер.

Призыв. 19 декабря 1984 г. № 290. С. 4.